

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Синеокая Ю.В.

Фридрих Ницше и Лу Саломе: «На гребнях волн бытия»¹

*Способен ли один человек сделать для другого
нечто большее, чем подарить ему его самого?*

Фридрих Ницше

История любви Фридриха Ницше к Лу Саломе уже больше века назад была записана ими самими. Письма Ницше, адресованные Лу, его переписка с друзьями и родными и ее мемуары составляют летопись высочайшего взлета вдохновения в жизни философа, поры, о которой он сам обмолвился однажды: «Странно я живу, будто на самых гребнях волн бытия...»².

Страстные, во многом трагические, испепеляющие отношения, в которых сплелись воедино и любовный порыв и пылкость ума, длились всего восемь месяцев – с апреля по декабрь 1882 г. Шлейф сплетен и слухов, растянувшийся на долгие десятилетия, оказался намного длиннее самой истории любви.

В литературе существуют разные оценки отношений Фридриха Ницше и Лу Саломе. Одни писатели, их меньшинство, считают, что романтической связи между ними не было вовсе, предполагая гомо-

---

¹ «Странно я живу, будто на самых гребнях волн бытия – как какая-нибудь летучая рыба» (Ницше Ф. Письма / Сост., пер. И.А. Эбанойдзе. М.: Культурная революция, 2007. С. 173, письмо 143).

² Там же.

сексуальные склонности Ницше и отрицая его интерес к женщинам вообще³. Другие, как, например, один из первых биографов Ницше Даниэль Галеви (чья книга «Жизнь Фридриха Ницше» была издана в 1900 г.) или известный переводчик и ницшевед середины прошлого столетия Реджиналд Холлингдейл (автор книги *Nietzsche: The Man and his Philosophy* (1965), в русском переводе – «Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души» (2004)), полагают, что Ницше никогда не вызывал романтических чувств у Лу Саломе. Страсть Ницше к Лу осталась его неразделенной любовью. Для Лу Ницше был не более чем интересным собеседником, даровитым мыслителем и учителем. Однако если Галеви подчеркивал решающее влияние Лу на позднее творчество Ницше, то Холлингдейл полагал, что общение с Лу не оказало заметного влияния на работы немецкого философа, хотя и не отрицал тот факт, что Ницше придавал своим отношениям с Лу весьма большое значение и отчаяние из-за неудачи на время выбило его из равновесия. При этом Холлингдейл опровергал известное мнение о том, что сочинение «Так говорил Заратустра» было написано Ницше под влиянием бесед с Лу Саломе, утверждая, что замысел «Заратустры» сложился у Ницше еще до знакомства с Лу, во время работы над книгой «Человеческое, слишком человеческое». Современный исследова-

³ См.: *Koehler J. Zarathustras Geheimnis: Friedrich Nietzsche und seine verschleierte Botschaft*. Noerdlingen: Greno, 1989. Йоахим Келер (Joachim Koehler) утверждает, что Ницше был гомосексуалистом и этот диагноз восходит к Лу Саломе, впервые его обозначившей в своих беседах с Зигмундом Фрейдом.

Следует заметить, что и в России, и в мире существует довольно обширная литература на тему «Ницше и женщины». См., например, *Dohm, Hedwig. Die Antifeministen. Ein Buch der Verteidigung*, 1902. Немецкая писательница Хедвига Дом утверждает: «На основе биографии сестры Ницше (в абсолютной добросовестности которой сомневаться не приходится) мы можем заключить, что Ницше никогда не вступал в интимные отношения с женщинами. Только в его письмах к Лу Андреас-Саломе слышны отзвуки душевной общности и чуть ли не нежного участия. Но и эти отношения, по сообщению Элизабет Фёрстер, длились всего лишь несколько месяцев. Его дружеское чувство к Мальвиге Майзенбург (у меня сложилось впечатление, что оно не пустило в его душе глубоких корней) носило характер почтительной симпатии молодого человека к старухе, по-матерински опекавшей его. Его контакты с другими особами женского пола были столь мимолетны и поверхностны, что обсуждать их нет никакого резона. Тем не менее, он с абсолютной самоуверенностью выносит суждения о «женщинах, как они есть». С. 109. См. также: Об истории вопроса: Ницше и женщины // Вестник иностранной литературы. 1900. № 3. С. 311–313.

дователь наследия Ницше Карен Свасьян хоть и признает значимость для творчества Ницше его влюбленности в Лу Саломе, однако отмечает, что мотивы ухаживания Ницше за Лу были смешанными и несочетаемыми. Ему вторит издатель эпистолярного наследия Ницше на английском языке Кристофер Миддлтон: «В Ницше не было сексуального влечения, он говорил Лу высокопарные и неискренние странности»⁴.

Однако, подавляющее число исследователей едины во мнении, что платонический роман Лу и Ницше был страстным и судьбоносным для обоих, определив творчество каждого из них⁵. Плодом любви Ницше и Лу Саломе стал герой самого известного философского сочинения Ницше, прообраз сверхчеловека – Заратустра⁶. В. Кауфман, Э. Подах, Х. Петерс, А. Ливингстоун, М. Гейн, Б. Хайнс, С. Инграм, Б. Бабич, А. Эткинд и другие едины во мнении, что Лу Саломе является прототипом Заратустры. Первое свидетельство на этот счет принадлежит другу и помощнику Ницше Петеру Гасту, утверждавшему, что Ницше видел в Лу создание экстраординарное, ее ум и женственность приводили философа в экстаз, а из иллюзий о Лу родился дух Заратустры. Чертами Лу Саломе, воплощенными в

⁴ Middleton Ch. Introduction. Selected letters of Fridrich Nietzsche / Ed. and Transl. by Ch. Middleton. Hackett Publishing Company, Inc. Cambridge, 1996. P. XIII.

⁵ В 1977 г. вышел в прокат фильм итальянского режиссера Лилианы Кавани «По ту сторону добра и зла» – первая и единственная на сегодняшний день экранизация истории отношений Фридриха Ницше и Лу Саломе. Кавани создала психоаналитический триллер о любовном треугольнике: Фридрих Ницше–Лу Саломе–Поль Рэ. Этот фильм – легенда о воспитании чувственности на примере романа латентного гомосексуалиста – профессора философии из религиозной семьи и «свободной женщины» – эмигрантки из России. Через историю любви Ницше и Лу Саломе Кавани дает свое философское и психическое объяснение реалиям XX в.

⁶ Подробно об этом см.: Podach E.F. Friedrich Nietzsche und Lou Salome. Jahre Begegnung 1882. Zürich und Leipzig. L., 1931; Peters H.F. My Sister. My Spouse. A Biography of Lou Andreas-Salome. N. Y., Norton, 1962; Binion R. Frau Lou. Princeton, 1968; Kaufmann W. Nietzsche, Princeton, 1968; Livingstone A. Lou Andreas-Salomé – Her life and writings. L.: Gordon Fraser, 1984; Gane M. Harmless lovers? Gender, Theory and Personal relationships, L., 1993; Эткинд А. На грани двух миров и эпох: жизнь и работа Лу Андреас-Саломе // Эрос невозможного (история психоанализа в России). СПб.: МЕДУЗА, 1993; Ingram S. When her story becomes cultural history: autobiographical writings of Zarathustra's sisters. University of Alberta, Canada, 2000; Babette Babich. Reading Lou von Salome's Triangles // New Nietzsche Studies. 2012. № 3–4. P. 95–135.

Заратустре, принято считать: отсутствие ressentiment (духа мщения, зависти, трусости, жестокости, корысти), жизнеутверждающий оптимизм и amor fati (согласие с бытием, принятие своей жизни такой, какова она есть).

Если обратиться к мифологии в поисках архетипической ситуации, вариацией которой стала история любви Ницше и Лу Саломе, то, без сомнения, ключом к пониманию трагических перипетий любовного треугольника Фридрих Ницше – Лу Саломе – Поль Рэ служит легенда об Ариадне, Тесее и Дионисе⁷.

Образ Ариадны – один из самых значимых для Ницше. Изучению роли мифа об Ариадне и Тесее в творчестве немецкого философа Жиль Делез, автор знаменитых монографий «Ницше и философия» (1962) и «Ницше» (1965), посвятил отдельное эссе *Le Mystère d'Ariane* («Тайна Ариадны»), опубликованное в марте 1963 г. в бюллетене французского ницшеанского общества. Позже различные модификации этой работы не раз появлялись на страницах популярных философских изданий⁸: в 1987 (*La revue Philosophie*), 1992 (*Le*

⁷ Согласно греческому преданию, дочь Миноса Ариадна полюбила Тесея с первого взгляда. Она предложила Тесею помощь в победе над своим сводным братом Минотавром, если он женится на ней и увезет с собой в Афины. Это предложение Тесей принял и поклялся жениться на Ариадне. У Ариадны был волшебный клубок ниток, оставленный ей Дедалом, научившим ее ходить по лабиринту. Этот клубок Ариадна отдала Тесею и наказала ему следовать за клубком, пока тот не приведет его к спящему чудовищу, обратную дорогу он найдет, сматывая нить в клубок. Следующей же ночью Тесей сделал все, как ему было сказано, и убил Минотавра. Однако несколько дней спустя Тесей тайно покинул спящую Ариадну. Почему он так поступил, остается тайной. Одни считают, что он покинул ее из-за новой возлюбленной, другие – что он испугался неприятностей, которые мог вызвать приезд Ариадны в Афины. Третьи полагают, что Дионис, явившийся во сне Тесею, использовав волшебные чары, заставил его забыть и обещание, данное Ариадне, и даже само ее существование... Когда Ариадна обнаружила, что осталась одна, она стала горько причитать, вспоминая, как помогла Тесею убить ее уродливого сводного брата, как давала молчаливые обеты, чтобы только он победил, и как из-за любви к нему она бросила родителей и родину. Тогда для спасения Ариадны явился нежный и ласковый Дионис со своей веселой свитой сатиров и менад, который без промедления женился на Ариадне. (См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К.П. Лукьяненко. М.: Прогресс, 1992. С. 259–260).

⁸ *Deleuze G.* *Le Mystère d'Ariane* // *Bulletin de la Société Française d'Etudes Nietzscheennes*. 1963. № 3. P. 12–15; *Deleuze G.* *Le Mystère d'Ariane* // *La revue Philosophie*. 1987. № 17. P. 67–72; *Deleuze G.* *Le Mystère d'Ariane* // *Littéraire*. 1992. № 298. P. 21–24; *Deleuze G.* *Critique et Clinique*. P.: Minuit, 1993. P. 126–134.

Magazine Littéraire), а затем и в монографии Делеза Critique et Clinique (1993).

Делез истолковывает центральные концепты сочинения Ницше «Так говорил Заратустра» («нигилизм», «вечное возвращение», «сверхчеловек», «воля к власти»), используя сюжет мифа об Ариадне, Тесее и Дионисе.

Если кратко суммировать выводы Делеза, они сводятся к следующему. Образ Тесея служит для Ницше прототипом высшего человека из IV части «Заратустры». Его отличают тяжеловесность, неспособность к смеху и игре, мстительность. Путь высшего человека – это путь отрицания жизни: от аскетического идеала к идеалу моральному, а от него к идеалу познания. Высший человек – пародия на гуманиста, заместившего Бога идеей человека как высшей ценности, а аскетический идеал – идеалами морали и познания. Любя Тесея, Ариадна вместе с ним невольно участвует в отрицании, погашении жизни. Оставленная Тесеем, Ариадна встречает Диониса, символизирующего утверждение жизни. Он умеет то, уменью чего лишен высший человек: смеяться, играть, танцевать. С Тесеем Ариадна былаотягощена бременем нигилизма, с Дионисом же она освобождается, становится легкой, возносящейся к небу. Она осознает, что все то, что доныне она принимала за утверждение жизни, было всего лишь мстительностью, недоверием, озлобленностью. Все символы Ариадны меняют свой смысл, когда начинают соотноситься с Дионисом.

Дионис – бог утверждения жизни – нуждается в Ариадне для «утверждения самого утверждения жизни»: «Ариадна – Анима, Душа, второе утверждение, “да”, отвечающее на “да”»⁹. Именно в этом смысле Вечное Возвращение выступает результатом союза Диониса и Ариадны. Пока Дионис пребывает в одиночестве, он пугается мысли о Вечном Возвращении, опасаясь, что оно ведет к отрицанию жизни. Только в союзе с Ариадной дионисийское утверждение достигает своего полного триумфа. Дионису открывается тайна о том, что Вечное Возвращение избирательно, оно заставляет повториться только то, что утверждает жизнь. Делез приходит к выводу, что Вечное Возвращение – это союз Диониса и Ариадны, плодом которого является сверхчеловек, прямая противоположность высшему человеку.

В эссе Делеза речь о личной жизни Ницше не идет. Однако, на мой взгляд, миф об Ариадне, Тесее и Дионисе объясняет многое в от-

⁹ Deleuze G. Critique et Clinique, ch. XII. P. 131.

ношениях Ницше и Лу Саломе. Не случайно Ницше обращается к этой легенде уже после своего расставания с Лу (см. соч. «Так говорил Заратустра», «Генеалогия морали», «Ессе Номо», «Дионисийские дифирамбы»).

Для Ницше любовь к Лу стала экзистенциальным экспериментом, воплощением в собственной жизни греческой мистерии, героями которой были Ариадна – Лу Саломе, Тесей – Поль Рэ, Дионис – он сам, Фридрих Ницше. Сюжет действия сводится к тому, что Дионис захватывает и освобождает Ариадну с одобрения Тесея.

К триаде Дионис–Ариадна–Тесей Ницше вновь обращается уже на грани безумия. Этот миф оживает в письмах, которые Ницше рассылал друзьям в дни, предшествующие туринской катастрофе 3 января 1889 г., за подписью Дионис. Важно, однако, заметить, что Лу Саломе среди корреспондентов Ницше того времени не фигурировала. В этих последних, написанных уже полубезумным Ницше строках образ-маска Ариадны скрывает для него Козиму Вагнер, а Тесей символизирует самого композитора. Однако эта подсказка дает мне право использовать излюбленный Ницше мифологический сюжет для интерпретации истории его любви к Лу Саломе.

Ариадна-Лу была возлюбленной Тесея-Рэ и сама любила его, но в Тесее был силен дух тяжести, сковывающий Ариадну, рядом с ним она не могла обрести свободу. Приближение Диониса-Ницше, утверждающего жизнь, подарило Ариадне легкость бытия. Дионис ждет, что Ариадна скажет ему «да», и они обручаются в кольце вечного возвращения.

Открыто о своих чувствах к Лу Ницше говорит только в частной переписке. В своих книгах он упоминает дорогое ему имя лишь однажды, в позднем сочинении *Ессе Номо* (1888)¹⁰.

¹⁰ «Гимн к жизни» (для смешанного хора и оркестра), партитура которого вышла два года тому назад у Э.В. Фрицша в Лейпциге: не такой уж, быть может, малозначающий симптом для состояния этого года, когда мне был в высшей степени присущ утверждающий пафос *par excellence*, названный мною трагическим пафосом. Однажды этот гимн исполнят в память обо мне. – Текст, стоит подчеркнуть, ибо по этому поводу распространено недоразумение, принадлежит не мне: он есть изумительное вдохновение молодой русской девушки, с которой я тогда был дружен, – фройляйн Лу фон Саломе. Кто сумеет воспринять смысл последних слов этого стихотворения, тот угадает, почему я предпочел его и восхитился им: в них есть величие. Боль не служит доводом против жизни: «И если счастья ты мне больше дать не можешь, что ж! дай мне

Сама Лу Саломе, ставшая впоследствии автором популярных романов, пьес, эссе и известных во всем мире книг по философии и психоанализу, также обходит молчанием свои отношения с Ницше. Письма к Ницше, за исключением нескольких, Лу не сохранила. В ее мемуарах, вышедших посмертно в 1951 г.¹¹, события 1882 г. представлены пунктирно, их описание не вносит ясности в связь ее с Ницше. Речь там в основном идет об общении с Полем Рэ. О Ницше она пишет очень осторожно...

Во время общения с Ницше Лу Саломе начала делать заметки, из которых позже сложилась первая в мире монография о творчестве великого философа «Фридрих Ницше в своих произведениях» (*Friedrich Nietzsche in seinen Werken*)¹². Вот как сама писательница представляла читателям свой труд: «Если задача биографа заключается в том, чтобы объяснить мыслителя данными его личной жизни и характера, то это в очень высокой степени применимо к Ницше, ибо ни у кого другого внешняя работа мысли и внутренний душевный мир не представляют такого полного единения. К нему наиболее применимо и то, что он сам говорит о философах вообще: все их теории нужно оценивать в применении к личным поступкам их создателей. Он выразил эту же мысль в следующих словах: “Постепенно я понял, чем до сих пор была всякая великая философия – исповедью ее основателя и своего рода бессознательными, невольными мемуарами” (“По ту сторону добра и зла”, аф. 465). Этим я и руководствовалась в своем этюде о Ницше, набросок которого прочла ему в октябре 1882 г. К самому “учению Ницше” я еще тогда не приступала. Однако из года в год, по мере появления новых произведений Ницше, мой этюд о нем разрастался»¹³. Сам Ницше высоко ценил идею Лу редуцировать

боль...» (*Ницше Ф. Ессе Homo // Ницше Ф. Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009. С. 252*).

¹¹ *Andreas-Salomé L. Lebensrückblick – Grundriss einiger Lebenserrinerungen. Zürich; Wiesbaden: Ed. E. Pfeiffer, 1951.*

¹² *Fridrich Nietzsche in Seinen Werken von Lou Andreas-Salomé. Wien: Verlag von Carl Konegen, 1894.*

На русском языке (в переводе З.А. Венгеровой) первая часть этой книги появилась уже в 1896 г. в журнале символистов «Северный вестник». Этот журнал издавал петербургский приятель Лу – Аким Волынский. См.: Северный вестник. 1896. № 3. С. 273–295; № 4. С. 253–273; № 5. С. 225–240.

¹³ *Андреас-Саломе Лу. Фридрих Ницше в своих произведениях // Северный вестник. 1896. № 3. С. 274–75.*

философскую систему к личностным интенциям ее создателя¹⁴.

Сочинение Лу Саломе было опубликовано еще при жизни Ницше в 1894 г. в Вене. Эта знаменитая книга, по сей день остающаяся одной из лучших работ о творчестве философа, к сожалению, также не проливает свет на историю отношений Ницше и Лу.

К моменту знакомства с Лу Ницше минуло 38 лет. Вот каким его образ запечатлелся в памяти Лу Саломе: «Замкнутость, предчувствие затаенного одиночества, было первым сильным впечатлением при виде Ницше. Для поверхностного наблюдателя его внешность не представляла ничего особенного, можно было легко пройти мимо этого человека среднего роста, в крайне простой, но и крайне аккуратной одежде, со спокойными чертами лица и гладко зачесанными назад каштановыми волосами. Тонкие, выразительные линии рта были почти совсем прикрыты большими, начесанными вперед усами. У него был тихий смех, тихая манера говорить; осторожная задумчивая походка и слегка сутулые плечи. Трудно было представить себе эту фигуру среди толпы – она носила отпечаток обособленности, уединенности. В высшей степени прекрасны и изящны были руки Ницше, невольно привлекавшие к себе взгляд; он сам полагал, что они выдают его умственную силу. Это видно из его замечания в “По ту сторону добра и зла”, аф. 288: “Бывают люди, – сказано там, – которые неизбежно обнаруживают свой ум, как бы они ни увертывались и ни прятались, закрывая предательские глаза руками (как будто рука не может быть предательской!)”.

Истинно предательскими в этом смысле были и его глаза. Хотя он был наполовину слеп, глаза его не щурились, не вглядывались со свойственной близоруким людям пристальностью и невольной назойливостью; они скорее глядели стражами и хранителями собственных сокровищ, немых тайн, которых не должен касаться ничей непосвященный взор. Слабость зрения придавала его чертам особого рода обаяние: вместо того чтобы отражать меняющиеся внешние впечатления, они выдавали только то, что прошло раньше через его внутренний мир. Глаза его глядели внутрь и в то же время – минуя близлежащие предметы – куда-то вдаль, или, вернее, они глядели внутрь, как бы в безграничную даль. Ведь, в сущности, вся его философия была исканием в человеческой душе неведомых миров, “неис-

¹⁴ См. письмо Ницше к Лу фон Саломе от 16 сентября 1882 г.: Ф. Ницше. Письма. С. 190.

черпанных возможностей” (“По ту сторону Добра и Зла”), которые он неустанно создавал и пересоздавал. Когда он иногда, под влиянием какой-нибудь волнующей его беседы с глазу на глаз, становился совершенно самим собою, тогда в глазах его появлялся и вновь пропал поражающий блеск; но когда он был в угнетенном настроении, тогда одиночество мрачно, почти грозно выглядывало из глаз его, как из таинственных глубин – из тех глубин, в которых он постоянно оставался один, которых он не мог ни с кем делить и пред которыми ему самому становилось иногда жутко, пока в них же, наконец, не погиб его дух»¹⁵.

К моменту встречи с Лу, Ницше был уже довольно известным в Германии писателем, опубликовавшим ряд знаменитых впоследствии сочинений: «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» (*Die Geburt der Tragödie*, 1872); «Несвоевременные размышления» (*Unzeitgemässe Betrachtungen*, 1872–1876): «Давид Штраус в роли исповедника и писателя» (*David Strauss: der Bekenner und der Schriftsteller*, 1873), «О пользе и вреде истории для жизни» (*Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben*, 1874), «Шопенгауэр как воспитатель» (*Schopenhauer als Erzieher*, 1874), «Рихард Вагнер в Байрейте» (*Richard Wagner in Bayreuth*, 1876); «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (*Menschliches, Allzumenschliches*, 1878), с двумя дополнениями – «Смешанные мнения и изречения» (*Vermischte Meinungen und Sprüche*, 1879) и «Странник и его тень» (*Der Wanderer und sein Schatten*, 1880); «Утренняя заря, или Мысли о моральных предрасудках» (*Morgenröte*, 1881).

Десятилетие с 1869 по 1879 годы Ницше занимался академической преподавательской деятельностью на кафедре филологии в Базельском университете. А в 1879 г. отошел от обычной общественной жизни и оставил преподавание, довольствуясь скромной университетской пенсией, назначенной отставному профессору по состоянию здоровья¹⁶. Освободившись от повседневной суеты, он всецело посвятил себя работе над книгами. Так никогда и не обзаведясь соб-

¹⁵ *Андреас-Саломе Лу*. Фридрих Ницше в своих произведениях. С. 280–281.

¹⁶ Диагноз Ницше известен – прогрессивный паралич. Одни исследователи полагают, что причиной болезни был сифилис, другие считают, что это заболевание может иметь и иное, несифилитическое происхождение. К 35 годам Ницше был почти слепым и мучительно страдал от головных болей.

ственным домом, философ много путешествовал, главным образом по Швейцарии и Италии, в поисках наиболее живительного пристанища для своего измученного болезнью тела.

В своей книге о Ницше Лу постоянно возвращается к его желанию заняться естественными науками. Этот рефрен, который может показаться излишне навязчивым, вполне обоснован. Еще в 1869 г. был момент, когда молодой ученый решил было оставить филологию и посвятить себя изучению химии, однако приглашение, направленное 24-летнему юноше университетом Базеля занять должность экстраординарного профессора классической филологии, помешало этому плану: «Все-таки все мы ходим у судьбы в дураках: еще на прошлой неделе я собирался написать тебе, – сообщает Ницше своему другу Эрвину Роде, – и предложить вместе изучать химию, а филологию забросить туда, где ей и место, – к праотцам. Нынче же дьявол “судьбы” заманивает меня филологической профессурой»¹⁷. Не случайно, почувствовав себя лучше летом 1879 г., Ницше тут же приступил к усиленным занятиям естествознанием. Его начальные наброски мыслей о Вечном возвращении были связаны с исследованиями той поры.

За три года до встречи с Лу Ницше пережил пик давно мучившей его болезни. К концу осени 1879 г. распространились слухи о смерти философа. В письме от 30 октября 1879 г. подруга семьи Ницше Мальвида фон Мейзенбург¹⁸ с тревогой наводила справки: «Верно ли полученное мною из третьих рук известие о смерти Ницше? Меня это глубоко опечалило, и все-таки, если это правда, то я радуюсь его избавлению: ведь излечиться он не мог и его состояние было мучкой...»¹⁹.

Однако к лету 1881 г. в состоянии Ницше наступило облегчение. В июне он впервые приехал в горное швейцарское местечко Зильс-Мариа в Верхнем Энгадине, где потом старался проводить каждое лето вплоть до 1888 г. Зильс-Мариа Ницше называл местом, наиболее

¹⁷ Ницше Ф. Письма. С. 62 (Письмо 29).

¹⁸ Мальвида фон Мейзенбург (1816–1903), автор «Мемуаров одной идеалистки» (1898), приятельница Гарибальди и Вагнера, воспитательница детей Герцена, была значительной фигурой движения за женскую эмансипацию из поколения революции 1848 года. Во многом благодаря ей Ницше открыл для себя произведения Достоевского и Тургенева.

¹⁹ Цит. по: *Свасьян К.А.* Хроника жизни Ницше // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1990. Т. 2. С. 79.

благоприятным для своего здоровья и творчества: «Зильс-Мариа – единственное место, которое оказывает на меня явно благотворное влияние», – сообщал он матери²⁰. Именно здесь ему пришло откровение: «Идея Вечного Возвращения, эта высшая формула утверждения, самая высокая, какую только можно постичь, датируется августом 1881 г. Я набросал её на листке бумаги с надписью: “6000 футов по ту сторону человека и времени”»²¹. Ницше рассматривает Вселенную как максимально возможное, но конечное количество различных состояний. Время же величина бесконечная. Следовательно, всем событиям суждено повторяться бесчисленное число раз. Эта истина может раздавить человека, если он не определит целью своей жизни достижение состояния максимальной самореализации. Избежать зла и страданий невозможно, они – составная часть воплощения высшего смысла существования: ведь если изъять хоть одно событие из жизни, все последующее изменится, а значит, все в жизни должно восприниматься без отчаяния, как дар. Жизнь, к которой нужно стремиться, несет в себе огромную радость – радость от преодоления препятствий и чувства растущей власти, власти над собой самим.

Об этом чудесном озарении, главном в его жизни, Ницше не рассказывал никому в течение целого года. Первым слушателем, которому он открыл свою тайну, стала Лу Саломе. Позже Ницше не раз подчеркивал, что Лу была единственным человеком, способным понять его философию и помочь ему в работе. В Лу Ницше видел свою лучшую ученицу и последователя, самую близкую себе по духу личность. В своих мемуарах, вспоминая беседу, состоявшуюся в мае 1882 г., Лу описала момент, когда Ницше рассказывал ей о своем открытии. Он говорил о концепции вечного возвращения шепотом, как о чем-то самом важном в его жизни: «Я никогда не забуду тех часов, когда он открывал мне свои мысли, – вспоминала Лу Саломе, – он поверял мне их, как если бы это была тайна, в которой невыразимо трудно сознаться, он говорил вполголоса с выражением глубокого ужаса на лице. И в самом деле, жизнь для него была сплошным страданием, убеждение в ужасной достоверности “вечного возвращения” доставляло ему неизъяснимые мучения»²².

Первой книгой, в которой Ницше повествует о Вечном возвращении как наибольшем приближении бытия к своему становлению, ста-

²⁰ Ницше Ф. Письма. С. 153 (Письмо 118).

²¹ Ницше Ф. Эссе Номо // Полное собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 2009. С. 251.

²² Андреас-Саломе Лу. Фридрих Ницше в своих произведениях. С. 268.

ла «Веселая наука» (*Die fröhliche Wissenschaft*, 1882). Это сочинение Ницше дописывал в разгар своего романа с Лу Саломе.

Основу учения Ницше о Вечном возвращении составляет попытка выстроить новую концепцию неметафизической действительности, смыслом жизни в которой становится личностное внутреннее самопреодоление, обретение воли к власти над самим собой, а целью человечества – созидание сверхчеловека. «Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: “Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и все несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности, – также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!” – Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: “Ты – бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!” Овладей тобою эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: “хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?” – величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не жаждать больше ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?»²³

Вечное возвращение выступает у Ницше законом свободной от морали воли: чего бы мы ни хотели (порока или добродетели), мы «должны» хотеть этого на все времена. Мир полужеланий невозможен; ведь случившееся хотя бы однажды наделяется могуществом активного утверждения. Поэтому вечное возвращение у Ницше избирательно. Оно несет освобождение и спасение: повторяется лишь то, что утверждает радость жизни. Вечное возвращение – самокатящееся колесо: оно гонит прочь все формы нигилизма и упадка.

²³ Ницше Ф. Веселая наука / Пер. М.Ю. Кореновой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, ф. 341. С. 278–279.

В конце февраля 1882 г. Ницше в Генуе навестил его друг – Поль Рэ, 32-летний философ-позитивист, автор книг по моральной философии, в которых он доказывал сводимость принципов этики к практической пользе.

К моменту этой встречи, состоявшейся накануне грандиозных перемен в судьбе каждого из них, Ницше и Рэ поддерживали дружеские отношения уже больше семи лет. Однако, несмотря на это, друзья были давними оппонентами.

Этическое учение Рэ базировалось на утверждении, что моральные суждения не вечны, они возникли с развитием человеческого рода и будут совершенствоваться вплоть до построения абсолютной моральной системы. Ницше не разделял эту концепцию, считая, что построение абсолютной моральной системы невозможно и отстаивал принципиальную историческую относительность моральных ценностей. С определенной долей условности можно сказать, что Рэ развивал этику эгоизма, а Ницше этику героизма. Поль Рэ полагал, что целью человеческого существования являются личное счастье и благополучное обустройство частной жизни. Ницше же утверждал, что даже если человек должен отказаться от счастья в жизни, у него еще остается возможность прожить жизнь героически.

После отъезда Рэ из Генуи, 24 марта 1882 г. Ницше получил письмо из Рима от Мальвиды фон Мейзенбург, в котором она рассказывала ему об одной замечательной юной русской девушке, die junge Russin, которая, по ее мнению, пришла в своих философских размышлениях к тем же результатам, что и он сам, и выражала желание познакомить его с «этим поразительным существом».

Сначала Ницше отнесся к этому предложению без особого энтузиазма, увидев в ней очередную дружескую попытку обустроить его семейную жизнь. Уже больше десяти лет назад близкие знакомые начали полусхотливо подыскивать Ницше подходящую жену. Еще в 1874 г. Вагнер советовал своему молодому другу: «Я думаю, Вам следовало бы жениться или сочинить оперу; то и другое, все равно в хорошем ли или худом варианте, пошло бы Вам впрок. По мне лучше женитьба... Ах, Бог ты мой! женитесь-ка Вы на богатой женщине!.. Затем отправляйтесь в путешествие и приобретайте вовсю великолепный опыт... Какой бес сделал из Вас только педагога!»²⁴

²⁴ Цит. по: Свасьян К.А. Хроника жизни Ницше // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 74.

Позже, когда здоровье Ницше резко ухудшилось, уговоры врачей и родных о женитьбе приняли серьезный и настоятельный характер. Мальвида фон Мейзенбург уже не раз находила для Ницше «невест». Пятью годами раньше она всерьез строила планы женитьбы Ницше на своей воспитаннице – старшей дочери Герцена – Наталии. «Меня убеждают здесь в отношении Наталии Герцен, – писал Ницше своей сестре Элизабет 31 марта 1877 г., – но ей 30 лет, было бы лучше, будь она на 12 лет моложе. Вообще-то мне вполне подходит ее характер и ум»²⁵.

Отношение Ницше к самой своей старинной подруге фройляйн фон Мейзенбург он сам описал в одном из своих писем: «Глубокоуважаемая фройляйн... Один из самых возвышенных мотивов, о котором у меня появилось представление лишь благодаря Вам, – это мотив материнской любви без физического союза матери и ребенка; это одно из самых удивительных откровений *caritas*. Уделите мне немного этой любви, моя высокочтимая подруга, – ведь перед Вами тот, кто как сын нуждается, ах как нуждается в такой матери!»²⁶

Надо признать, что с годами Ницше и сам постепенно стал склоняться к мысли о браке. Однако до встречи с Лу Саломе Ницше ни разу не был серьезно влюблен.

Известен, правда, один случай, когда Ницше в 1876 г. (за 6 лет до встречи с Лу) сделал было неловкое предложение о женитьбе молодой девушке Матильде Транпедах, но, получив отказ, похоже, вздохнул с облегчением. Ницше писал Матильде в Женеву: «Моя фройляйн, соберитесь с духом, чтобы не испугаться вопросу, который я Вам сейчас задам: хотите ли Вы быть моей женой? Я люблю Вас и испытываю такое чувство, как если бы Вы уже были моей. Ни слова о неожиданности моего увлечения! Во всяком случае, в этом нет ничьей вины, и тут не за что вообще извиняться...»²⁷

По свидетельству самой Матильды, она виделась с Ницше всего три раза – в течение нескольких дней, предшествовавших этому письму. Во время первой встречи, когда их представили друг другу, он держал над собой «солнечный зонтик с зеленым подбоем», несмотря на сумеречное освещение. В следующий раз они с большой компанией прогуливались по берегу Женевского озера, последняя же

²⁵ Там же. Хроника жизни Ницше. С. 77.

²⁶ Ницше Ф. Письма. С. 121, письмо 84.

²⁷ Ницше Ф. Письма. С. 119–120, письмо 83.

встреча состоялась, когда Ницше зашел к Матильде с прощальным визитом. Он сыграл немного на рояле, после чего они безмолвно расстались.

Получив ответ Матильды, Ницше ликовал: «Высокочитимая фройляйн, Вы достаточно великодушны, чтобы простить меня: я чувствую это по мягкости Вашего письма, которое я, по правде, не заслужил. В своих мыслях я столько страдал по поводу своего brutalного насильственного образа действий, что не могу даже передать Вам, как я благодарен за эту мягкость. Я хотел бы только высказать последнее пожелание, чтобы Вы, если придется снова увидеть мое имя или меня самого, думали не только о том страхе, который я внушил Вам. Какими бы ни были обстоятельства, я прошу Вас верить мне, что я очень хотел бы исправить то, в чем поступил дурно»²⁸.

Зимой 1882 г. Ницше вновь переживал тяжелые приступы нездоровья. За неделю до того, как он впервые услышал имя Лу Саломе, Ницше писал из Генуи в Базель своему другу Францу Овербеку: «Знал бы ты, какие приступы болезни мне вновь довелось пережить!.. По существу – мне нужен секретарь, юное существо, достаточно умное и образованное, чтобы работать со мной. Для этой цели я готов был бы даже вступить в брак года на два...»²⁹

В конце марта Ницше отплыл на парусном торговом судне из Генуи на Сицилию, в Мессину, где оставался до 20 апреля. В Мессине его застало послание от Рэ, с восторженным рассказом о том, что в марте, вернувшись от Ницше из Генуи в Рим, он познакомился в доме Мальвиды фон Мейзенбург с красивой молодой девушкой, приехавшей с матерью из России. Рэ писал Ницше о необыкновенном независимом уме этой *die junge Russin*. После первой же беседы с нею Рэ был сражен ее интеллектуальным шармом и влюбился в нее.

Любопытство взяло верх, Ницше приехал в Вечный Город. Первые дни в Риме он выслушал множество восторженных речей своих друзей о Лу Саломе. Ему говорили, что у нее тонкий ум, богато одаренная натура, отважный характер, что она непримирима в своих исканиях и убеждениях, что с детства в ней уже видна героиня и что ее ждет блестящее будущее.

Судьбоносную встречу в Риме Фридриха Ницше с очаровательной 21-летней почитательницей его творчества из Петербурга – Луи-

²⁸ Ницше Ф. Письма. С. 121–122, письмо 85.

²⁹ Ницше Ф. Письма. С. 174, письмо 145.

зой Густавовной фон Саломе организовал Поль Рэ. Ранним утром 25 апреля 1882 г. в соборе Св. Петра они были представлены друг другу. Молодая русская женщина, ставшая известной немецкой писательницей с французским именем, подарила одному из величайших философов мира единственную в его жизни любовь.

Луиза родилась в Санкт-Петербурге в год отмены в России крепостного права. Она появилась на свет 12 февраля 1861 г. в здании Адмиралтейства напротив Зимнего дворца. Новорожденную назвали Лелей. Она была младшим ребёнком в немецкоговорящей семье французского происхождения. Отец Лели – Густав фон Саломе, был русским дворянином и генералом царской армии. Получив военное образование в России, он сделал блестящую карьеру. Наследственное дворянство было пожаловано ему Николаем Первым в 1830 г. Мать Луизы происходила из обрусевших датских немцев.

Имя Лу, которое знают теперь во всем мире, выдумал для семнадцатилетней Луизы фон Саломе ее учитель и духовный отец пастор Гийо.

Райнер Мария Рильке, интересовавшийся историей рода Саломе, обнаружил, что семья Лу происходила из Франции. Предки Лу (ее официальное имя Лойла или Луиза фон Саломе) жили неподалеку от Авиньона. Это была еврейская семья, принявшая христианство и примкнувшая сначала к реформированному кальвинизму, а потом к лютеранству.

Рассказывая о своем детстве, Луиза вспоминала, что в семье говорили по-немецки, но у нее была русская няня и гувернантка-француженка, училась она сначала в частной английской школе, а потом, как и пять ее старших братьев, продолжила образование в старейшей немецкой школе Санкт-Петербурга – Петершуле. Позднее Лу вспоминала, что была очень дружна со своим отцом и братьями, а когда выросла, то весь мир казался ей населенным братьями.

История семьи Саломе, ее собственные бесконечные странствия и постоянная трансформация личной культурной идентичности дают право говорить о ее естественном «истинно европейском гражданстве»³⁰ (Жан-Пьер Фай). Ницше же, высвободившись из вагнеровских чар, сознательно стремился к обретению не узко-национальной, а европейской идентичности. Космополит Лу стала для него идеалом «человека мира».

³⁰ Faye Jean-Pierre. Nietzsche et Salomé. Ecrivains, 2000. P. 6.

В сентябре 1880 г., после смерти отца, Луиза, проведшая в Петербурге первые 20 лет своей жизни, в сопровождении матери уехала в Швейцарию, чтобы учиться в университете Цюриха философии. Как и многие другие русские девушки той эпохи, она была вынуждена покинуть родину, чтобы получить образование за границей. В России в ту пору не существовало университетского образования для женщин.

После нескольких месяцев учебы, в январе 1882 г., из-за слабого здоровья (болезни легких), Лу с матерью перебрались, в поисках более мягкого климата, в Рим. Лу привезла с собой рекомендательное письмо к знаменитой писательнице Мальвиде фон Мейзенбург, известной своей борьбой за освобождение женщин и мечтавшей создать новый просветительский союз, способствующий свободному развитию духовной жизни людей. Между ними, несмотря на огромную разницу в возрасте, быстро устанавливаются теплые дружеские отношения. Лу стала любимицей гостей салона Мальвиды.

Именно в доме у Мальвиды фон Мейзенбург в один из мартовских вечеров Лу познакомилась с Полем Рэ, вернувшимся из поездки к Ницше и выступившим перед друзьями Мальвиды с лекцией.

Рэ сразу же влюбился в Лу, и еще до приезда Ницше в Рим сделал ей предложение выйти за него замуж. Однако Лу ответила твердым отказом. В свою очередь она предложила Рэ свой план: если он готов отказаться от всяких любовных притязаний, они смогут учиться и жить вместе духовной коммуной «как брат и сестра», пригласив в свой союз еще какого-нибудь, кто сможет разделить с ними общие духовные интересы. Общественное мнение Лу не заботило. Это предложение захватило Рэ и, несмотря на протесты со стороны матери Лу, пастора Гийо и Мальвиды фон Мейзенбург, проект был приведен в исполнение. Выбор Рэ пал на Ницше. Именно к нему в апреле 1882 г. Рэ обратился с предложением стать третьим участником их содружества.

Познакомившись с Лу, Ницше, как и Поль Рэ, был моментально ею очарован. Несмотря на то что в своих письмах Ницше неизменно обращался к Лу на Вы (используя формальное Sie, а не интимное-близкое Du)³¹, его послания, очевидно, полны глубокого и нежного чувства.

³¹ Ницше в письмах называл Лу Саломе Mademoiselle S (m-lle S) или Fraeulein Salome (Fr. l. S).

Уже в начале мая, через несколько дней после знакомства Ницше и Лу, оба влюбленных философа и молодая девушка, в сопровождении своей матери, отправились в двухнедельное путешествие по Италии и Швейцарии. Местом остановки был выбран Люцерн, поскольку Ницше хотелось рассказать Лу свою жизнь, а именно здесь, в часе езды от Люцерна, находился знаменитый дом в Трибшене, где в прежние времена он бывал частым гостем Рихарда и Козимы Вагнер. В этом доме у Ницше – близкого друга семьи Вагнер – была своя собственная комната с видом на озеро.

Ницше сознавал, что впервые захвачен настоящей страстью, однако у него не хватило мужества для признания. 8 мая он отправился с коротким визитом в Базель навестить своего старинного друга Овербека и его жену Иду, попросив Рэ объяснить с Лу от его имени и передать ей предложение стать его женой. Лу ответила решительным отказом от замужества, но предложила Ницше свою дружбу.

Получив письмо от Лу, Ницше незамедлительно вернулся в Люцерн и 13 мая 1882 г. уже лично сделал Лу повторное предложение стать его женой, умоляя ее согласиться. Лу ответила, что не собирается выходить замуж не только за него, но и вообще за кого бы то ни было, что ее привлекает жизнь независимой женщины. При этом она подтвердила свое предложение Ницше стать третьим участником их духовного союза.

В письмах к Мальвиде фон Мейзенбург, уговаривавшей девушку заключить законный брак с Рэ или Ницше, Лу объясняла своей старшей подруге, что не хочет быть «ни апостолом, ни преемницей Ницше», не может жить в соответствии с чьей-то моделью и ее жизнь не может стать моделью для жизни кого-либо еще. Цель своей жизни Лу видела в том, чтобы ее судьба была исключительно ее собственной, неповторимой судьбой, независимо от того, как она сложится.

Вполне возможно, что юношеские взгляды Лу Саломе на брак и смысл любви имели своим истоком русскую традицию нереализованных браков, начало которой было положено героями Чернышевского³². Следуя ответу писателя на знаменитый «русский вопрос»: *Что делать?* – молодые люди вступали в браки, которые не реализовывались в сексе. Эта традиция сыграла значительную роль в русской

³² *Paperno I. Chernyshevsky and the Age of Realism. A Study in the Semiotics of Behavior.* Stanford University Press, 1988.

культуре, передаваясь из поколения в поколение. На рубеже XIX–XX столетий примерно такой характер имели браки Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, Андрея Белого и Аси Тургеневой, Сологуба и Чеботаревской, Блока и Менделеевой-Блок. Объяснения в пользу такого рода брака, в идее которого были переплетены учения русских сектантов и Владимира Соловьева, представляли сексуальный акт как нечто, что должно быть преодолено. (В отличие от пола, который непобедим, поскольку разделение полов – следствие падения Адама, бывшего до того андрогином.) Только целостный бисексуальный человек есть образ и подобие Божье. Сексуальная жизнь, с точки зрения сторонников нереализованных браков, представляет собой мучительное искание утерянного андрогинизма, однако соединение в реальном половом акте призрачно. Половой энергии следует придать иное направление: она должна быть переориентирована на творчество³³.

Ницше принял предложение Лу и поставленные ею условия и границы их дружбы. Местом их совместного пребывания была выбрана Вена.

Вечером того же дня, когда Ницше во второй раз сделал Лу предложение и второй раз был отвергнут, в фотоателье Люцерна была сделана одна из самых известных в мире фотографий: на фоне альпийских гор Ницше и Рэ стояли запряженные в повозку, на которой возвышалась Лу, державшая в одной руке букет фиалок, а в другой плеть.

Трое друзей строили планы совместной жизни интеллектуальной коммуной. Ницше и Рэ не скрывали друг от друга, что влюблены в Лу. Они поклялись стать «совершенными друзьями», вместе изучать естественные науки, читать и обсуждать прочитанное, заниматься творчеством. Троица планировала, начиная с осени, вести кочевой образ жизни, странствуя по образовательным и культурным центрам Европы. Друзья мечтали останавливаться подолгу в Вене, Берлине, Париже, снимая в аренду дом, в котором у каждого бы из них была своя комната, но у всех – общая гостиная.

Что же касается ближайших планов на лето, то между ними было решено, что Лу с матерью, после краткого пребывания в Цюрихе, в июне отправятся погостить к семейству Рэ в Штиббе (Западная Пруссия), а оттуда обе женщины переедут в Берлин.

³³ Об этом см.: Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2011. С. 216–240.

Ницше решил обосноваться на лето в живописном пригороде Берлина Грюневальде под Шарлоттенбургом, чтобы иметь возможность быстро приехать к Лу, при первом ее желании, и быть в ее распоряжении, а также в надежде на то, что и она сможет временами навещать его в лесном пристанище, где он намеревался работать над последней редакцией «Веселой науки». Несмотря на глубокую любовь к Лу, Ницше не считал для себя возможным делить с ней кров. Он открыто объяснял свой выбор Лу: «Таким одиноким людям, как я, приходится постепенно привыкать даже к самым дорогим и желанным людям; будьте в этом снисходительны ко мне или, вернее, немного пойдите мне навстречу!»³⁴ В отличие от Рэ, Ницше не считал благоразумным приглашать Лу погостить у своих матери и сестры, однако он планировал во второй половине лета снять неподалеку от Наумбурга симпатичный домик для ее летнего отдыха. Ницше предпочитал держать родных в неведении относительно своей дружбы с Лу, «не из любви к тайнам», – как он сам говорил, – а просто зная людей». «Я бы не хотел выставлять нашу жизнь напоказ, я бы не хотел, чтобы мы с Вами становились объектом европейских сплетен, – писал Ницше Лу, – более того, я возлагаю такие огромные надежды на наши планы жить вместе, что все побочные эффекты и осложнения меня мало волнуют. Чтобы ни случилось, мы все вынесем и пройдем вместе через все испытания, не так ли?... Но мне нужно одиночество не только для здоровья, но и чтобы закончить «Веселую науку»...»³⁵

Ницше исполнил свой план, съездил в Берлин в надежде встретить там Лу, но встреча не состоялась. Обстоятельства сложились так, что она не смогла приехать. Ницше получил известие о том, что Лу не приедет в Берлин уже после своего прибытия туда. Девушка объясняла свой отказ незапланированным отъездом матери в Россию и писала, что жалеет об отсрочке встречи с Ницше. Узнав об изменении планов Лу, Ницше без промедления покинул Берлин, город, утративший для него всякий интерес, и отправился в Наумбург навещать родных.

Целый месяц, с 24 мая по 24 июня, Ницше провел с матерью и сестрой в Наумбурге. В это время он закончил шестилетнюю рабо-

³⁴ Ницше Ф. Письма. С. 176, письмо 147.

³⁵ Nietzsche F. Selected letters of Friedrich Nietzsche/Ed. and Transl. by Ch. Middleton. Hackett Publishing Company, Inc. Cambridge, 1996. P. 183. Letter 95.

ту над своей самой жизнерадостной книгой «Весёлая наука» (*Die fröhliche Wissenschaft*, 1882), вышедшей из печати в последних числах августа. В этом произведении, которое он сам называл «все мое вольнодумство», Ницше впервые говорит о Вечном возвращении и грядущем сверхчеловеке.

Завершив «Веселую науку», Ницше собирался отойти от писательства и, отправившись вместе с Лу и Рэ в Париж или Вену, посвятить несколько лет изучению естествознания, чтобы получить новые сведения, которые помогли бы ему углубить теорию Вечного возвращения. Он считал свое филологическое образование «чересчур однобоким» и стремился выработать научное обоснование своей философии. «Сейчас у меня есть собственный план обучения, – писал он в середине июля Эрвину Роде, – и за ним стоит моя собственная тайная цель, которой посвящена дальнейшая моя жизнь, – скажу тебе откровенно, мой старый товарищ, жизнь будет для меня невыносимой, если я дам себе хоть какую-то поблажку в служении этой цели! Без цели, которую я не полагал бы невыносимо важной, я не продержался бы здесь, на свету, над темными водами! Это, собственно, единственное, что извиняет меня за тот род литературы, который я произвожу с 1876 г.: это мой рецепт и мое собственноручно изготовленное лекарство против усталости жизни. Что за годы! Какие затяжные мучения! Какие внутренние помехи, перевороты, что за одиночество!.. И если сегодня я стою надо всем, торжествуя как победитель, и нагруженный новыми тяжелыми планами, и еще – благо я себя знаю – предвидя новые тяжкие и еще более глубокие страдания и трагедии, и приветствуя их, то никто не вправе досадовать, что я столь высокого мнения о своем лекарстве...»³⁶

По прибытии в Наумбург Ницше написал Лу в Цюрих полное восхищения и любви письмо: «Да, я верю в Вас: помогите, чтобы я навсегда верил и в себя самого и был достоин нашего девиза и Вас: “чтоб на красоту и цельность навсегда решиться”»³⁷.

Лето 1882 г. стало пиковой точкой, высочайшим взлетом судьбы для Ницше. Философ был уверен, что начинается новый этап его жизни. Общение с Лу окрылило его: мир вокруг менял для него свои очертания, наполнялся яркими красками жизни, новые смыслы и цели открывались его внутреннему взору. В душе Ницше происходи-

³⁶ Ницше Ф. Письма. С. 182, письмо 153.

³⁷ Ницше Ф. Письма. С. 175, письмо 147.

ла переоценка ценностей, он чувствовал свободу: «Я обрел доверие к себе, — пишет он, — любой компромисс ради “доброй репутации” недостоин меня»³⁸.

Никогда прежде Ницше не был так счастлив и полон замыслов. Влюбленность в Лу и ожидание их совместного путешествия дали ему вдохновение для обретения себя самого и силы для творчества: «Встреча с Лу вырвала меня из плена ложных представлений о моей жизненной задаче, во сто крат принижавшей ее. И поскольку я от природы принадлежу к людям скромным, понадобилось самое сильное из возможных средств, чтобы призвать меня к самому себе. По отношению к тому, что мне предстоит сделать, даже авторитеты моей юности являются величинами незначительными и преходящими»³⁹.

В письме от 5 июня 1882 г. в Базель к Францу Овербеку, которого Ницше посвятил в свои планы относительно совместной жизни с Лу и Рэ, он благодарил друга за понимание и сочувствие: «Я счастлив, что моя затея, которая непосвященному взгляду может показаться совершеннейшей химерой, в тебе и твоей супруге встретила всецелое человеческое и дружеское понимание. На самом деле в том, как я собираюсь и буду здесь действовать, я в полной мере верен своим идеям, причем сокровеннейшим, — это согласие вызывает во мне радость... Множество моих жизненных тайн вплетено в это новое будущее, и мне предстоит здесь решать такие задачи, которые могут быть решены только действием». Однако, по его собственному свидетельству, семью в свои планы относительно Лу он посвящать не хотел. Ницше тяготила мысль о резко негативной реакции сестры и матери на «скандальный план» жизни коммуной: «Касательно лета, все еще в полнейшей неопределенности, — писал он в заключении своего письма к Овербеку, — я здесь по-прежнему ни о чем не распространяюсь. Касательно сестры я полон решимости ни во что ее не посвящать [относительно Лу. — Ю. С.]: она может все только запутать (и саму себя в первую очередь)»⁴⁰.

В эту пору в письмах друзьям Ницше называл Лу «мой возлюбленный друг» и «моя судьба». Вероятно, впервые в жизни он строил планы на будущее и делился с Лу своими мечтами: «Я до сих пор не думал о том, что Вы могли бы мне “читать вслух и записывать”»;

³⁸ Там же.

³⁹ Ницше Ф. Письма. С. 181, письмо 152.

⁴⁰ Ницше Ф. Письма. С. 178, письмо 148.

однако стать Вашим учителем было бы для меня желанной честью. Итак, чтобы быть до конца искренним: я ищу сейчас людей, которые могли бы стать моими наследниками; что-то я ношу в себе, чего нельзя почерпнуть из моих книг...»⁴¹.

Обращаясь к жене Франца Овербека Иде, обеспокоенной планами трех друзей поселиться вместе, Ницше уверял ее, что «преданность, которая движет мною и Рэ в отношении к нашей отважной и благородной подруге, продиктована одними и теми же чувствами, и у нас с ним в этом пункте царит полное взаимное доверие»⁴². Не скрывая, что они с Рэ оба всей душой влюблены в Лу, Ницше просил Иду Овербек о поддержке: «Фройляйн Лу придет к Вам днем в этот вторник... Прошу Вас, высокочтимая госпожа профессор, говорите с ней обо мне совершенно свободно; Вы ведь знаете и чувствуете, что по-настоящему нужно мне, чтобы достичь своей цели; Вы знаете также, что я отнюдь не “дельный человек” и прискорбным образом не поспеваю за своими лучшими намерениями. Также (и это связано с упомянутой целью) я – злостный эгоист, и друг Рэ во всех отношениях куда лучший друг, чем я (во что Лу не желает верить). Другу Овербеку ни к чему присутствовать при вашей приватной беседе? Не правда ли? У меня все очень хорошо; все говорят, что никогда в жизни еще не видели меня в таком радостном расположении духа. С чего бы это?..»⁴³ Встречей Лу с четой Овербек Ницше остался очень доволен.

На 26 июля была запланирована премьера оперы Вагнера «Парсифаль» в Байрейте. Лу решила отправиться на байретский фестиваль, но Ницше, находившийся в ссоре с Вагнером, был вынужден отказаться от возможности сопровождать ее в этой поездке. Причиной окончательного разрыва близких дружеских отношений с Рихардом Вагнером, приверженцем которого Ницше был около десяти лет, стали идейные разногласия. Вагнер все больше отходил к христианству и церкви, погружаясь в католицизм и мистический национализм. Ницше следовал в противоположном направлении, все больше сторонясь роста националистических и антисемитских настроений в вагнеровском окружении. Когда в 1878 г. в знак изменившихся философских воззрений Ницше переслал Вагнеру свое сочинение «Человече-

⁴¹ Ницше Ф. Письма. С. 180, письмо 151.

⁴² Ницше Ф. Письма. С. 174, письмо 146.

⁴³ Ницше Ф. Письма. С. 175, письмо 146.

ское, слишком человеческое» (*Menschliches, Allzumenschliches*), их общение прекратилось навсегда. Каждый из них так никогда и не смог простить другому его убеждений и пойти на примирение.

«Я испытывал страсть к этому человеку и его работам, — писал Ницше Лу за несколько дней до ее прибытия в Байрет, — но с того момента как он прочитал “Человеческое, слишком человеческое” все между нами стало предельно ясным, но это означало конец»⁴⁴.

В своей книге о Ницше Лу высказывает мнение, что лучшим произведением философа было именно его сочинение «Человеческое, слишком человеческое», созданное им под влиянием дарвиновской эволюционной психологии, вынесенной из его дружбы с Полем Рэ⁴⁵.

Стечение обстоятельств вынудило Ницше пойти на риск. Он решил рассказать сестре Элизабет (Лизбет или «дорогой ламе», как Ницше иногда обращался к ней в письмах) о Лу с тем, чтобы она взяла на себя опеку над молодой девушкой в Байрете, составила ей компанию и представила ее Козиме и Рихарду Вагнеру. У Ницше появилась надежда, что байретское путешествие сдружит Лу и Элизабет.

Сам же Ницше решил поселиться недалеко от Байрейта в курортной деревушке Таутенбург в Тюрингенских лесах. Туда, по окончании байрейтского праздника, должны были приехать его друзья: Овербеки, Гердсдорф, Зайдлицы, Мальвида фон Мейзенбург и его сестра Элизабет. Ницше надеялся, что после байретских торжеств Лу тоже приедет в Таутенбург и они проведут август вместе. Ницше прибыл в Таутенбург из Наумбурга 25 июня и оставался там до 27 августа.

Ожидание приезда Лу было счастливейшей порой для Ницше. 2 июля он писал ей: «Как ясно надо мною небо! Вчера мне почудилось, что я новорожденный: вы прислали мне согласие [приехать в Таутенбург. — Ю. С.], лучший подарок, который кто-либо мог преподнести мне... По мере того как проходит зима, я серьезно думаю исключительно о Вене. Зимние планы моей сестры никак не связаны с моими... Я более не хочу одиночества; я хочу снова научиться быть

⁴⁴ *Nietzsche F.* Selected letters of Fridrich Nietzsche. P. 188–189. Letter 99.

⁴⁵ Мнение Лу Саломе не является общепринятым, большинство исследователей Ницше признают его лучшими книгами «Рождение трагедии» (*Die Geburt der Tragödie*, 1872) и «Так говорил Заратустра» (*Also sprach Zarathustra*, 1883–1887).

человеческим. Увы, в этой области мне придется учиться практически всему!»⁴⁶

Живший ожиданием предстоящих событий, Ницше писал своему другу Генриху Кезелецу в Венецию: «Лу – дочь русского генерала, ей двадцать лет; она зорка как орел, и храбра как лев, при этом она еще совершеннейший ребенок, которому, может быть, не суждено жить долго. [Лу пережила Ницше на 37 лет, она умерла 5 февраля 1937 г. в Геттингене. – Ю. С.] Знакомством с ней я обязан фройляйн фон Мейзенбург и Рэ. Сейчас она в гостях в семье Рэ, после Байройта она придет ко мне в Таутенбург, а осенью мы вместе переедем в Вену. Мы будем жить в одном доме и вместе работать; ее чуткость к моему способу мыслить и рассуждать поразительна.

Дорогой друг, я уверен, что Вы окажете нам такую честь и исключите понятие влюбленности из наших отношений. Мы друзья, и для меня неизменно святыми остаются эта девушка и ее доверие ко мне. В любом случае у нее столько уверенности и такой сильный характер, она очень хорошо знает, чего хочет, невзирая на мнение всего света и не заботясь о нем»⁴⁷.

Накануне роковой встречи Лу с его сестрой – «страшной ламой Лизбет» в Байрете, Ницше закликает свою любовь: «Как счастлив я теперь, мой возлюбленный Друг, что могу лишь думать о нас двоих... Все только лишь начинается и уже все абсолютно ясно. Доверьтесь мне! Позвольте нам доверять друг другу»⁴⁸.

26 июля состоялась триумфальная премьера «Парсифаля» в Байрете, последняя премьера в жизни Вагнера, ушедшего из жизни спустя лишь полгода⁴⁹.

Чета Вагнеров была очарована гостьей из России и оказала ей самый радушный прием. Из Байрета Лу вернулась под впечатлением ошеломляющего успеха Вагнера. Ницше с беспокойством отнесся к факту духовного влияния Вагнера на Лу. Позже, в феврале 1883 г., уже после разрыва с Лу и смерти Вагнера, он писал Гасту: «Этой зимой мне было плохо как никогда прежде в моей жизни, даже Этна начал извергаться... смерть Вагнера принесла мне огромное облегчение. Было безумно тяжело в течение 6 лет противостоять, спорить

⁴⁶ Nietzsche F. Selected letters of Fridrich Nietzsche. P. 185. Letter 96.

⁴⁷ Ницше Ф. Письма. С. 181, письмо 152.

⁴⁸ Nietzsche F. Selected letters of Fridrich Nietzsche. P. 188–189. Letter 99.

⁴⁹ Вагнер умер от сердечного приступа в Венеции 13 февраля 1883 г.

с человеком, которого я прежде обожал больше всех. Это был старый Вагнер, от которого я себя защищал. Но я в полной мере наследник настоящего Вагнера»⁵⁰.

В Таутенбург Лу и Элизабет приехали 7 августа. Отношения с сестрой Ницше у Лу не сложились, да и вряд ли могли сложиться. Слишком уж разными по духу и жизненному опыту были эти женщины. Элизабет и Лу поссорились уже в Байрете. По словам самой Элизабет, она испытывала ужас перед «совершенной аморальностью» подруги брата, в которой она увидела его «персонифицированную философию». Своим долгом она сочла прекратить «компрометирующие» ее семью отношения.

Всю свою жизнь страстно ревновавшая брата 36-летняя Элизабет, мстительная, религиозная старая дева со своей филистерской моралью, с самого начала превратилась в заклятого врага 21-летней девушки и сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать «позорным планам» друзей. Элизабет стала действовать сразу в трех направлениях. С одной стороны, она старалась уничтожить добрые чувства Лу к Ницше. С другой, доказывала брату, что Лу аморальна, дурна и недостойна его симпатии, что Лу ведет двойную игру, изменяя ему с Рэ и выставляя на всеобщее посмешище. Одновременно с этим Элизабет начала рассылать всем своим корреспондентам письма, полные порочащей Лу клеветы.

Три трудные недели августа, проведенные Лу вместе с Ницше и его сестрой в Таутенбурге, окончательно показали всем троим, что добрые отношения между Элизабет и Лу невозможны.

«Лу все еще остается у меня, – писал Ницше 20 августа 1882 г. Генриху Казелецу в Венецию, – она самая умная из всех женщин. Каждые пять дней у нас разворачивается какая-нибудь трагическая сценка»⁵¹.

В эти августовские дни Ницше и Лу много работали: читали, обсуждали, спорили. Под руководством Ницше Лу набросала небольшой очерк о метафизике женского начала, написала несколько афоризмов.

В одном из августовских писем Лу признавалась Рэ: «Разговаривать с Ницше, как ты знаешь, очень интересно. Есть особая прелесть в том, что ты встречаешь сходные идеи, чувства и мысли. Мы пони-

⁵⁰ Nietzsche F. Selected letters of Fridrich Nietzsche. P. 208. Letter 111.

⁵¹ Ницше Ф. Письма. С. 185, письмо 156.

маем друг друга полностью. Однажды он сказал мне с изумлением: «Я думаю, единственная разница между нами – в возрасте. Мы живем одинаково и думаем одинаково». Только потому, что мы такие одинаковые, он так бурно реагирует на различия между нами – или на то, что кажется ему различиями. Вот почему он выглядит таким расстроенным. Если два человека такие разные, как ты и я, – они довольны уже тем, что нашли точку соприкосновения. Но когда они такие одинаковые, как Ницше и я, они страдают от своих различий». Несколько днями позже Лу вновь обращалась к Рэ: «Мы увидим в нем [Ницше. – Ю. С.] пророка новой религии, того, кто вербует героев в свои ученики. Как одинаково мы чувствуем и думаем обо всем, практически заимствуя слова из уст друг друга. Мы заговорили друг друга до смерти за эти три недели, и, к моему огромному удивлению, Фридрих теперь может говорить по десять часов в день»⁵².

Со своей стороны, Ницше утверждал, что вряд ли когда-либо между людьми существовала большая философская открытость, чем это было между ним и Лу.

В Таутенбурге Лу написала и посвятила Ницше небольшую поэму «Молитва к жизни», которую Ницше очень полюбил. Позже на слова этой поэмы Ницше написал музыку под названием «Гимн к жизни»⁵³.

Сохранившиеся записки Ницше к Лу ясно передают напряженную атмосферу в Таутенбурге:

25 августа: «В постели. Тяжелейший приступ. Я презираю жизнь. Ф.Н.».

26 августа: «Моя дорогая Лу, простите за вчерашнее! Острейший приступ моей дурацкой головной боли – сегодня уже все позади. И сегодня я вижу некоторые вещи новыми глазами. Часов в 12 я отвезу Вас в Дорнбург, но до этого мы должны еще поговорить с полчасика (вскоре – то есть когда вы поднимитесь). Да? Да! Ф.Н.»⁵⁴

И все же, подводя итог пережитому им за эти три недели, проведенные с Лу Саломе, Ницше написал: «Все переживания полезны, все дни святы и все люди божественны»⁵⁵.

⁵² Цит. по: *Ingram S. When her story becomes cultural history: autobiographical writings of Zarathustra's sisters. University of Alberta, Canada, 2000. P. 134: LRB 84/50.*

⁵³ См. ссылку 10.

⁵⁴ Ницше Ф. Письма. С. 185, письмо 157, 158.

⁵⁵ Ницше Ф. Письма. С. 186, письмо 159.

26 августа, в день отъезда Лу из Таутенбурга, между братом и сестрой разразился грандиозный скандал. В письме, написанном в тот же вечер вдогонку Лу, Ницше сообщал: «Со своей сестрой я говорил совсем недолго, однако достаточно для того, чтобы отправить начавшую было возникать новую химеру в небытие, куда ей и дорога»⁵⁶.

Днем позже (27 августа) Ницше покинул Таутенбург и отправился навестить мать. Элизабет отказалась вернуться домой вместе с ним. В конце сентября в письме своей подруге Кларе Гельцер Элизабет впервые назвала Лу «воплощенной философией» своего брата.

Элизабет ловко настроила мать против брата, спровоцировав ухудшение их отношений. После 10-дневной серии скандалов в Наумбурге, в результате которых произошел разрыв отношений с матерью и сестрой, Ницше уехал в Лейпциг, где жил с 7 сентября по 15 ноября. Сохранилось письмо матери Ницше – Франциски, в котором она, обеспокоенная возможной женитьбой сына на «непристойной особе», называет его «позором могилы его отца». Ницше замечал с горькой иронией, что «все добродетели Наумбурга вооружились против него». 15 сентября он писал Полю Рэ в Штиббе: «Моя сестра между тем со всей силой обратила против меня свою врожденную враждебность, которую прежде срывала на нашей матери. В письме к ней она объявила, что рвет со мной всякие отношения – из отвращения к моей философии и “потому, что я люблю зло, а она – добро”, и тому подобные глупости. Меня самого она осыпала насмешками – а ведь правда заключается в том, что всю жизнь я был с ней слишком терпелив и мягок, хотя бы из простой вежливости к ее полу. Должно быть это ее избаловало. “За добродетели тоже надо расплачиваться”, как сказал мудрый святой Януарий из Генуи»⁵⁷.

Оставаясь в Лейпциге, Ницше не терял надежду на осуществление весенних планов совместного с Лу и Рэ путешествия по Европе зимой 1882–1883 гг. Однако Элизабет добилась своего: отношения Ницше с Лу и Рэ были испорчены навсегда.

С первых дней сентября Элизабет начала открытую травлю Лу. Она подделала письмо Поля Рэ, в котором тот якобы просил ее ограбить Лу от Ницше, утомлявшего и пугавшего молодую девушку. Так начался первый акт драмы – фальсификация Элизабет жизни и любви Ницше, второй акт – фальсификация ею творческого наследия фило-

⁵⁶ Ницше Ф. Письма. С. 186, письмо 160.

⁵⁷ Ницше Ф. Письма. С. 188, письмо 162.

софа, — имел не менее трагические последствия. Практику уничтожения одних писем и создание других — фальшивых, изъятие фрагментов текстов Ницше, наряду с публикацией ложных черновых заметок, Элизабет использовала при издании сочинений и эпистолярного наследия своего брата.

Приведу авторитетное свидетельство Карла Шлехты, под редакцией которого в 1954—1956 гг. в Мюнхене было издано трехтомное собрание сочинений Ницше, содержащее фрагменты Nachlass 80-х гг.: «Сестра Ницше своими интригами испортила отношения Ницше с Лу и Рэ, которые и без того были весьма сложными. Она практически довела своего брата до самоубийства. Она преследовала Лу фон Саломе (позже фрау Андреас) в течение всей ее жизни [сестра Ницше скончалась в 1935 г., Лу пережила ее на два года. — Ю. С.], также она преследовала Поля Рэ (умершего в 1901 г.) в серии публикаций, которые искажали факты или даже фальсифицировала факты. Она пыталась оклеветать Лу и Рэ в глазах Овербеков, пытавшихся восстановить справедливость и разобраться в случившемся»⁵⁸.

Осенью в Лейпциге Ницше последний раз встретился с Лу и Рэ. Эта встреча была частью их весеннего плана обосноваться в Вене или Париже платонической коммуной. В это время в Лейпциг навестить Ницше приехал и Петер Гаст, который, познакомившись с Лу, пришел в восхищение от ее ума и обаяния, и стал убеждать Ницше в том, что поведение Элизабет — отвратительный каприз, а ее подозрения насчет Лу и Рэ ни на чем не основаны. Однако сомнения в Лу и ревность к Рэ уже овладели Ницше. 5 ноября Лу и Рэ уехали в Штиббе, а оттуда в Берлин. Больше они с Ницше никогда в жизни не встречались.

Постепенно Ницше осознал, что общих планов у троицы больше нет и европейскому турне не суждено сбыться. 15 ноября он отправился в Базель навестить Овербеков, а с 23 ноября уехал в Рапалло, где жил до 23 февраля 1883 г. в полном одиночестве.

23 ноября в письме Рэ в Берлин Ницше писал: «Постарайтесь, дражайший друг, думать обо мне хорошее и попросите о том же Лу. Я связан с Вами обоими самыми сердечными чувствами, и думаю, что доказал это своим уходом больше, чем своей близостью. Всякая близость делает ненасытным — что же до меня, то я вообще человек ненасытный. Мы ведь будем видеться время от времени, не правда

⁵⁸ Schlechta's Werke in drei Baenden, B. 3, S. 1371.

ли? Не забывайте, что с этого года я внезапно стал беден любовью и, следовательно, очень нуждаюсь в любви»⁵⁹.

Ницше понимал, что идея провести август с Лу в обществе его сестры была роковой ошибкой, но надеялся, что, порвав отношения с Элизабет, он сможет вернуть Лу: «А теперь Лу, драгоценная моя, расчистите небо!.. Одиноким ужасно страдает, подозревая двоих, которых он любит, — особенно если он подозревает в них доверие к самой его сущности... Я чувствую в Вас каждое движение высшей души, — писал он Лу, — я не люблю в Вас ничего, кроме этих движений. Я бы легко отказался от любой близости, если бы только мог быть уверенным именно в этом — что мы чувствуем одно там, куда нет пути низким душонкам... Дух? Что мне дух? Что мне познание?! Я не ценю ничего, кроме инстинктов — и я готов поклясться, что в этом у нас есть нечто общее... Не стройте иллюзий на мой счет. Не думаете же Вы, что «вольный дух» — мой идеал? Я — Простите! Драгоценная Лу, будьте той, кем Вы должны быть. Ф.Н.»⁶⁰.

Ницше, отправляется в Базель, но вскоре перебирается в Геную, а оттуда в декабре в Раппало, где жил в полном одиночестве до марта 1883 г. Он был разбит и так никогда и не оправился от потери Лу.

В середине декабря Ницше делился своей болью с Мальвидой фон Мейзенбург: «Моя сестра считает Лу ядовитым червем, которого нужно любым путем уничтожить, — и поступает соответственно. Мне больно это видеть. Мне самому ничего не хочется так сильно, как быть ей полезным и нужным — в самом высоком и скромном смысле этих слов... Мои «интересы» до сих пор не находили у нее особого отклика; я сам (как мне кажется) вызываю у нее скорее не интерес, а пресыщение — признак хорошего вкуса в данном случае. Семейство Рэ обращается с юной барышней наилучшим образом, и Поль Рэ и в этом тоже — образец деликатности и заботливости... Дорогая подруга, неужели же нет ни одного человека на свете, который бы меня любил?»⁶¹

Невыносимость оставленности, боль одиночества и муки от несправедливого крушения надежд разжигают в душе Ницше обиду. Он пишет «предавшим его» друзьям письма, полные желчи и отчаяния, угрожая самоубийством: «Мои дорогие, Лу и Рэ, не стоит так

⁵⁹ Ницше Ф. Письма. С. 192, письмо 166.

⁶⁰ Ницше Ф. Письма. С. 193, письмо 167.

⁶¹ Ницше Ф. Письма. С. 195, письмо 169.

сильно беспокоиться по поводу приступов моей “мании величия” и моего “уязвленного честолюбия” – и даже если я однажды, пойду на поводу у аффекта, случайно лишу себя жизни, даже и тут не о чем особенно будет сожалеть. Что вам до моих причуд! (Даже до моих “истин” вам до сих пор не было дела). Лучше по здравом размышлении полюбовно сойдитесь на том, что я, в конечном счете, – просто измученный головной болью полупомешанный, которого длительное одиночество окончательно свело с ума... Дружище Рэ, попросите Лу, чтобы она мне все простила – так она даст и мне еще одну возможность простить ее. Потому что я до сих пор ничего ей не простил. Куда труднее прощать своих друзей, чем своих врагов»⁶². Одновременно он пишет сестре: «Тебе стоит выбрать другой тон для разговоров со мной, иначе я не приму больше никаких писем из Наумбурга!.. и я все меньше понимаю каким образом ты и мама намерены исправить то, что сделали со мной прошлым летом и от последствий чего я постоянно страдаю»⁶³.

В начале декабря Ницше прекращает всякое письменное общение с матерью. В Рождество, 25 декабря 1882 г., он отправил из Рапалло в Базель Овербеку письмо-крик отчаяния: «Этот последний кусок жизни был самым черствым из всех, что мне до сих пор приходилось жевать, и все еще может быть, что я им в конце концов подавлюсь. Позорящие и мучительные воспоминания о последнем лете довели меня едва ли не до безумия... Тут такое напряжение самых противоречивых аффектов, что это мне уже не по силам... Если б я мог хотя бы спать! Но нет, сильнейшая доза моего снотворного помогает мне не больше, чем 6–8 часов ходьбы... Если мне не удастся алхимический фокус, как превратить все это дерьмо в золото, я пропал. Тут-то мне и представился самый удобный случай доказать, что для меня “все переживания полезны, все дни святы и все люди божественны!!!!”»⁶⁴.

Чувства Ницше к Лу находились в состоянии «последней, мучительной агонии». Его здоровье было настолько подорвано их разрывом, что он не мог практически работать без помощи кого-то, кто писал бы под его диктовку. Сострадание воспринималось Ницше как своего рода ад и он практически прекратил всякое общение и переписку: «Все-таки великое благо, когда можно в одиночестве разо-

⁶² Ницше Ф. Письма. С. 196, письмо 170.

⁶³ Ницше Ф. Письма. С. 197, письмо 170а.

⁶⁴ Ницше Ф. Письма. С. 197, письмо 171.

браться с самим собою; а ведь сколь многие не свободны и вынуждены общаться с другими, отчего их бремя только удваивается!»⁶⁵, признавался он Петеру Гасту.

На вершине отчаяния Ницше писал книгу, ставшую главной в его жизни, – «Так говорил Заратустра». Первая ее часть написана всего за 10 дней в январе 1883 г.

В июне 1883 г. в Риме в доме у Мальвиды фон Мейзенбург Ницше восстановил отношения с сестрой. Он позволил ей убедить себя в том, что Рэ с самого начала замышлял против него заговор и разрыв с Лу – следствие интриг Рэ. Он написал Рэ полное ядовитых замечаний письмо, в котором называл бывшего друга «склизким вруном», а Лу – «сухой, грязной, отвратительной обезьяной». Ницше порывал с Лу: «Если я бросаю тебя, то исключительно из-за твоего ужасного характера... Ты принесла боль не только мне, но и всем, кто меня любит... Не я создал мир, не я создал Лу. Если бы я создавал тебя, то дал бы тебе больше здоровья и еще то, что гораздо важнее здоровья, – может быть, немного любви ко мне»⁶⁶.

Лу жила в это время с Рэ под одной крышей в Берлине. Элизабет предприняла серию попыток, чтобы выселить ее назад в Россию как лицо аморальное. Ницше не перечил сестре.

Впоследствии Ницше одумался и стал раскаиваться в том, что наделал: «Я никогда никого так ненавидел, как тебя... Из всех знакомств моей жизни, наиболее ценным и значимым было знакомство с фройляйн Саломе. Благодаря тому что я познакомился с ней, я вырос до моего Заратустры»⁶⁷. Он жалел о проявленном им малодушии. В письме к Францу Овербеку от 26 августа 1883 г. Ницше рассказал, что случилось, когда Элизабет заразила его «беспощадным чувством мести»: «Целый год своим молчанием – всегда не ко времени – и своими речами, которые тоже всякий раз были не ко времени, она умудрялась лишить меня всего, что я достигал путем самопреодоления, так что под конец я стал жертвой беспощадной мстительности, меж тем как в самом средоточии моего образа мыслей заложен отказ от всякого мщения и наказания. Этот конфликт шаг за шагом приближает меня к безумию, – я ощущаю это с ужасающей силой... возможно,

⁶⁵ Ницше Ф. Письма. С. 199, письмо 173.

⁶⁶ Цит. по: Эткин А. Жизнь и работа Лу Андреас-Саломе. С. 41.

⁶⁷ Цит. по: Ingram S. When her story becomes cultural history: autobiographical writings of Zarathustra's sisters. P. 134: LRB 121/69.

что самым роковым шагом во всей этой истории было мое примирение с ней – я вижу сейчас, что из-за этого она решила, будто ей теперь дано право мстить фройляйн Саломе»⁶⁸.

Ницше уже никогда не встречался с Лу, хотя и надеялся на это. В письме Овербеку из Ниццы 7 апреля 1884 г. он делился с другом мечтой о том, что Лу и Рэ навещают его, чтобы вместе обсудить «Заратустру», и признавался, что хотел бы наладить то, что разрушила его сестра. Он сообщал, что был рад получить от них новость о том, что «фройляйн Саломе» опубликовала этой весной работу о религиозных переживаниях. И добавлял с гордостью: «Именно я заинтересовал ее этой темой, и мне чрезвычайно приятно, что мои тауенбургские усилия, после всего того, что случилось, принесли плоды»⁶⁹.

В 1883–1885 гг. Лу и Ре продолжали жить и работать вместе. Однако их привязанность никогда не носила сексуального характера. В 1887 г. Лу вышла замуж за востоковеда Фридриха Карла Андреаса, который был на 15 лет старше ее. Лу согласилась на брак с ним при условии, что они никогда не вступят в сексуальные отношения. В течение 43 лет, прожитых вместе, как утверждают биографы, этого так никогда и не случилось, хоть в жизни Лу было множество громких романов. В 1905 г. у Андреаса родилась внебрачная дочь, которую Лу удочерила.

В 1901 г. погиб Поль Рэ. Он разбился, упав со скалы во время одинокой прогулки в горах. Неизвестно, было ли это самоубийство или несчастный случай.

Позже одним из возлюбленных Лу был Райнер Мария Рильке. В 1897 г. Рильке написал стихотворение, обращенное к Лу, которое по праву могло бы принадлежать и Ницше.

Закрой мне слух – тебя услышу я,
затми мне зренье – все равно замечу,
без языка я буду звать тебя
и побреду без ног тебе навстречу.
Мне руки вырви – сердцем обниму...
И будет мозг мой биться, стоит лишь
тебе унять мое сердцебиенье,
а если ты мой мозг испепелишь,
всей кровью вознесу, продлив мгновенье.

⁶⁸ Ницше Ф. Письма. С. 209–210, письмо 186.

⁶⁹ Nietzsche F. Selected letters of Fridrich Nietzsche. P. 222. Letter 122.

Лу вместе с Рильке изучали русскую культуру и русский язык, они ездили несколько раз в Россию. Расставшись по воле Лу, они оставались друзьями всю жизнь. Их переписку прервала смерть Рильке в 1926 г.

Лу стала известным психоаналитиком из ближайшего окружения Фрейда, музой и вдохновительницей целой плеяды великих людей Германии и Австрии начала XX столетия. Её знаменитая книга «Эротика», написанная по просьбе Мартина Бубера, до сих пор остается мировым бестселлером.

В одном из последних писем к Лу Ницше обратился к ней с самой глубокой и самой заветной просьбой: «Станьте самой собой! Сперва нужно освободиться от своих цепей, но в итоге нужно освободиться и от этого своего освобождения! Каждому из нас, пусть и самыми разными путями, предстоит потрудиться над нажитой в цепях болезнью, даже после того, как он разбил эти цепи.

От всей души благоволящий Вашей судьбе – ибо в Вас я люблю еще и мои надежды. Ф.Н.»⁷⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М.: АСТ, 2011.
- Галеви Д.* Жизнь Ф. Ницше / Пер. А. Ильинского; Под ред. и с предисл. В. Сперанского (репринт. воспр. изд.: М.: Т-во Вольф, 1911). М.: Сов. писатель, 1990.
- Ницше Ф.* Дионисовы дифирамбы // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009.
- Ницше Ф.* Веселая наука / Пер. М.Ю. Кореневой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Ницше Ф.* Генеалогия морали // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012.
- Ницше Ф.* Письма / Сост., пер. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007.
- Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Культурная революция, 2012.
- Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М.: Культурная революция, 2009.
- Ницше Ф.* Эссе Номо // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М.: Культурная революция, 2009.

⁷⁰ *Ницше Ф.* Письма. С. 187, письмо 160.

Свасьян К.А. Хроника жизни Ницше // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1990. Т. 2. С. 813–828.

Холлингдейл Р. Фридрих Ницше. Трагедия неприкаянной души. М.: Центрполиграф, 2004.

Эткинд А. Жизнь и работа Лу Андреас-Саломе // Эрос невозможного. СПб.: МДУЗА, 1993.

Andreas-Salomé L. Fridrich Nietzsche in Seinen Werken. Wien: Verlag von Carl Konegen, 1894. (Русск. пер. З.А. Венгеровой: Первая часть кн. в: Северный вестник. 1896. № 3. С. 273–295; № 4. С. 253–273; № 5. С. 225–240).

Andreas-Salomé L. Lebensrückblick – Grundriss einiger Lebenserrinerungen. Zürich; Wiesbaden: Ed. E. Pfeiffer, 1951.

Babich B. Reading Lou von Salomé's Triangles // New Nietzsche Studies. 2012. № 3-4, P. 95–135.

Beeckman T. Sigmund Freud and Nietzsche // New Nietzsche studies, Winter 2009-Spring 2010. № 2. P. 98–118.

Deleuze G. Le Mystère d'Ariane // Bulletin de la Société Française d'Etudes Nietzscheennes. 1963. № 3. P. 12–15.

Dohm Hedwig. Die Antifeministen. Ein Buch der Verteidigung, 1902.

Faye Jean-Pierre. Nietzsche et Salomé. Ecrivains, 2000.

Gane M. Harmless lovers? Gender, Theory and Personal relationships. London, 1993.

Ingram S. When her story becomes cultural history: autobiographical writings of Zarathustra's sisters. University of Alberta, Canada, 2000.

Livingstone A. Lou Andreas-Salomé – Her life and writings. London: Gordon Fraser, 1984.

Kaufmann W. Nietzsche. Princeton, 1968.

Koehler J. Zarathustras Geheimnis: Friedrich Nietzsche und seine verschlüsselte Botschaft. Nördlingen: Greno, 1989.

Markotić L. Lou Salomé, Art, and the Uebermensch // New Nietzsche studies, Winter 2009-Spring 2010. № 2. P. 1–19.

Peters H.F. My Sister. My Spouse. A Biography of Lou Andreas-Salome. New York, Norton, 1962.

Podach E.F. Fridrich Nietzsche und Lou Salome. London, 1931.